

Арсентьева И.И. Политические эффекты эпидеми-
ческой психологии (на примере COVID-19) // Анти-
номии. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 96-116. [https://doi.org/
10.17506/26867206_2023_23_4_96](https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_96)

УДК 32:159.9.01

DOI 10.17506/26867206_2023_23_4_96

Политические эффекты эпидемической психологии (на примере COVID-19)

Ирина Ильинична Арсентьева

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: airen1@yandex.ru

*Поступила в редакцию 16.11.2023, поступила после рецензирования 11.12.2023,
принята к публикации 12.12.2023*

Пандемия COVID-19 оказала влияние не только на здравоохранение, экономику, политику, но и имела серьезные психологические последствия, которые, в свою очередь, воздействуют на все сферы жизнедеятельности отдельных государств и мирового сообщества в целом. Для анализа данного воздействия в настоящей статье используется модель эпидемической психологии, разработанная британским медицинским социологом Ф. Стронгом на рубеже 1980–1990-х гг. Опираясь на историю эпидемий, он выделил закономерности изменений в социуме во время вспышки ранее неизвестных инфекционных заболеваний. По его мнению, параллельно с самим заболеванием происходит распространение еще как минимум трех психосоциальных эпидемий, развивающихся по своим собственным законам и влияющих как на отдельных людей, так и общество в целом. Первая из них – эпидемия страха, вторая – эпидемия объяснений и морализаторства, третья – эпидемия действий или предлагаемых действий. Они не только представляют угрозу общественному порядку, но и существенно влияют на масштабы, сроки и формы ответных социально-политических мер во многих других сферах, затронутых эпидемией. Пандемия COVID-19 выявила множество уязвимостей в реакции людей на резкую вспышку нового заболевания, что представляет серьезную угрозу безопасности как на национальном, так и глобальном уровне. Понимание причин подобной реакции и выявление закономерностей развития эпидемий/пандемий играют важную роль в борьбе с ними. В этой связи целью настоящего исследования является проверка релевантности разработанной Ф. Стронгом модели для анализа ситуации с COVID-19. Данная цель определяет структуру работы, где изложены ключевые идеи британского ученого, его теоретическая модель применена для анализа ситуации с COVID-19 в целом и сферы политики в частности. Поскольку COVID-19 – первая пандемия в

© Арсентьева И.И., 2023

эпоху социальных медиа, особое внимание уделено информационной эпидемии (инфодемии). В заключительной части статьи выделены некоторые эффекты эпидемической психологии в контексте прогнозируемого вступления человечества в «эпоху пандемий» и намечены перспективные направления дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: эпидемическая психология, модель, эпидемия страха, эпидемия объяснений и морализаторства, эпидемия действий, паника, моральные предприниматели, стигматизация, пандемия COVID-19

Political Effects of Epidemic Psychology (the Case of the COVID-19)

Irina I. Arsentyeva

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
E-mail: airen1@yandex.ru

Received 16.11.2023, revised 11.12.2023, accepted 12.12.2023

Abstract. The COVID-19 pandemic has impacted not only public health, economics, and politics, but also has had profound psychological effects, which in turn affect all spheres of life of individual states and the international community as a whole. To explore this impact, the article uses a model of epidemic psychology developed by British medical sociologist Philip Strong at the turn of the 1990s. Based on the history of epidemics, he identified patterns of changes in society during outbreaks of previously unknown infectious diseases. In his opinion, at least three types of psycho-social epidemics are spreading in parallel with a disease, developing according to their own laws, and affecting both individuals and society as a whole. The first of these is an epidemic of fear, the second is an epidemic of explanation and moralization and the third is an epidemic of action or proposed action. They not only present a threat to public order but also can powerfully influence the size, timing, and shape of the social and political response in many other areas affected by the epidemic. The COVID-19 pandemic has revealed many vulnerabilities in people's response to a sudden outbreak of a new disease, which poses a serious threat to security at both the national and global levels. Understanding the causes of such a response and identifying patterns of development of epidemics/pandemics play an important role in the fight against them. In this regard, the purpose of the article is to verify the relevance of Strong's model for the analysis of the COVID-19 pandemic. This purpose dictates the structure of the study, which outlines the British scientist's key concepts and applies his model to the situation with COVID-19 in general and in the field of politics. Since COVID-19 is the first pandemic in the era of social media, special attention is paid to the information epidemic (infodemic). The final part of the article highlights some of the effects of epidemic psychology in the context of humanity's predicted entry into an "era of pandemics". Promising directions for further research on the issue are outlined.

Keywords: epidemic psychology, model, epidemic of fear, epidemic of explanation and moralization, epidemic of action, panic, moral entrepreneurs, stigmatization, COVID-19 pandemic

For citation: Arsentyeva I.I. Political Effects of Epidemic Psychology (the Case of the COVID-19), *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 96-116. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_96

Эпидемии потенциально способны создать медицинскую версию гоббсовского кошмара – войну всех против всех.

Ф. Стронг¹

COVID-19 атакует человеческое тело, но именно политическое тело в значительной степени нас от него защищает.

Т. Хейл²

Введение

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию, вызванную глобальной вспышкой нового коронавируса. Незадолго до этого ВОЗ выпустила доклад «Социальная стигматизация и COVID-19»³, а генеральный секретарь ООН А. Гутерриш призвал страны сделать все возможное, чтобы остановить распространение заболевания, отметив, однако, что главную опасность представляет не сам вирус, а страх, слухи и стигмы⁴. Только спустя три с лишним года (1150 дней) было объявлено об окончании пандемии, унесшей по официальным данным, предоставленным в ВОЗ, жизни почти 7 млн человек, а по оценке самой организации – не менее 20 млн. При этом, как отметил ее гендиректор Т. Гебрейесус, пандемия COVID-19 – намного больше, чем кризис в сфере здравоохранения: она вызвала серьезные экономические потрясения, продемонстрировала огромное социальное неравенство, подорвала доверие между людьми, правительствами и институтами, усугубила политические разногласия и т.д.⁵ Позднее Гебрейесус заявил, что следующая пандемия – вопрос не «если», а «когда»⁶, и в очередной раз призвал не воз-

¹ “...Epidemics have the potential... to create a medical version of the Hobbesian nightmare: the war of all against all” (Strong 1990: 258).

² “COVID-19 attacks the human body, but it is largely the body politic that defends us against it”. См.: Hale T. An Immune System for the Body Politic: Using Social Science to Control COVID-19 // Blavatnik School of Government. 09.07.2020. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/blog/immune-system-body-politic-using-social-science-control-covid-19> (дата обращения: 28.10.2023).

³ Social Stigma Associated with COVID-19 // World Health Organization. 24.02.2020. URL: www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guide.pdf?sfvrsn=226180f4_2 (дата обращения: 28.10.2023).

⁴ Coronavirus COVID-19 Risk Increased to ‘Very High’ but Containment Still Possible // United Nations News. 28.02.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/02/1058331> (дата обращения: 28.10.2023).

⁵ WHO Director-General’s Opening Remarks at The Media Briefing // World Health Organization. 05.05.2023. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing---5-may-2023> (дата обращения: 28.10.2023).

⁶ О том, что глобальная вспышка коронавируса, вероятно, станет первой из набирающих обороты пандемий известные американские ученые – главный инфекционист и медицинский советник президента США Э. Фаучи и эпидемиолог Д. Моренс – предупреждали еще в 2020 г. (Morens, Fauci 2020).

вращаться к старому циклу паники и бездействия, которые сделали мир столь уязвимым⁷.

Во всех этих заявлениях отчетливо прослеживается мысль, что пандемия оказывает влияние не только на общественное здравоохранение, экономику, политику и т.д., но и имеет серьезные психологические последствия, которые, в свою очередь, воздействуют на все сферы жизнедеятельности отдельных государств и мирового сообщества в целом. Данное воздействие можно проанализировать через концепт «эпидемическая психология» (epidemic psychology), получивший в последние годы освещение в зарубежной научной мысли в контексте COVID-19 (см., напр.: Aiello et al. 2021; Luo, Ren 2022). Авторы многих публикаций опираются на модель эпидемической психологии британского медицинского социолога Ф. Стронга (Strong 1990), выявившего паттерны индивидуального и коллективного поведения и описавшего закономерности изменений в социуме во время массовой вспышки ранее неизвестных инфекционных заболеваний. По мнению исследователя, параллельно с биологической эпидемией происходит распространение психосоциальных эпидемий страха, объяснений, морализаторства и действий, которые развиваются по своим собственным законам и потенциально способны привести к краху социального порядка.

В российской научной мысли к модели Ф. Стронга обращаются редко (см., напр.: Пономарев, 2022). Однако подобные работы, на наш взгляд, актуальны, что обусловлено рядом причин. Во-первых, несмотря на большое количество исследований психологии эпидемий и пандемий, модель британского ученого, пожалуй, единственная носит комплексный, всесторонний характер, выделяя внутри эпидемии отдельные типы психосоциальных эпидемий и описывая на основе обширного анализа научной литературы закономерности их развития. Во-вторых, выявленные Ф. Стронгом паттерны индивидуального и коллективного поведения людей позволяют не только понять и, следовательно, контролировать хаос, наблюдаемый в начале эпидемии и угрожающий социальному порядку, но и более точно спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации. В-третьих, особую актуальность этой теоретической модели придает пандемия COVID-19, выявившая множество уязвимостей в реакции людей на резкую вспышку заболевания, что представляет серьезную угрозу безопасности как на национальном, так и глобальном уровне. Мы полагаем, что понимание причин подобной реакции и выявление психосоциальных закономерностей эпидемий/пандемий дает возможность не возвращаться к «старому циклу паники и бездействия», а также играет важную роль в борьбе с ними в дальнейшем.

Исходя из вышеизложенного, мы ставим своей целью проверить релевантность разработанной Ф. Стронгом модели для анализа ситуации с COVID-19. Данная цель определила структуру работы, в первой части которой будут изложены ключевые идеи британского ученого, во втором и

---

⁷ Глава ВОЗ считает новую пандемию вопросом времени// ТАСС. 26.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231026/pandemiya-1905396236.html> (дата обращения: 28.10.2023).

третьем разделах его теоретическая модель будет применена для анализа ситуации с COVID-19 в целом и сферы политики в частности, и в завершение исследования мы выделим некоторые эффекты эпидемической психологии в контексте вступления человечества в «эпоху пандемий», о которой все чаще говорят и ученые, и политики.

Теоретическая модель эпидемической психологии

Ф. Стронг начинает свое исследование с тезиса о том, что первоначальная реакция людей на эпидемии имеет особую психосоциальную форму, которую он предлагает называть эпидемической психологией. Явственнее всего (в наиболее чистом виде) она проявляется, когда болезнь является новой, неожиданной или особенно смертоносной. Общество вовлечено в необычайный эмоциональный водоворот, который кажется неподвластным контролю, по крайней мере какое-то время. Это состояние не только представляет угрозу (реальную или потенциальную) общественному порядку, но и существенно влияет на масштабы, сроки и формы ответных социально-политических мер во многих других сферах, затронутых эпидемией. По мнению автора, происходящее в какой-то степени сопоставимо с изменениями при таких социальных кризисах, как войны и революции. В качестве примера он приводит «Левиафан» Т. Гоббса, который, став первым масштабным анализом общественного устройства, был написан во времена Английской буржуазной революции.

Эпидемическая психология стремительно, как и сам вирус, передается от человека к человеку, оказывая серьезное воздействие как на отдельных людей, так и общество в целом. При этом можно выделить как минимум три типа психосоциальных эпидемий – эпидемию страха, эпидемию объяснений и морализаторства, эпидемию действий или предлагаемых действий (все остальные, о которых пойдет речь далее, являются разновидностями этих трех). Первый тип представляет собой страх заразиться, что порождает подозрения в отношении носителей болезни, в том числе предполагаемых. Это, в свою очередь, становится источником паники и иррационального поведения. Второй тип включает разного рода моральные реакции на саму болезнь и эпидемию первого типа. Эпидемия действий – рациональные или иррациональные изменения повседневных привычек в ответ на болезнь и/или два предыдущих типа. Все три типа, обладая глубоко индивидуальными и коллективными характеристиками, потенциально способны заразить почти всех членов социума.

Стронг признает, что предлагаемое им разделение условно, в реальной жизни все тесно переплетено. Общество, охваченное, как он пишет, «витиеватой формой» эпидемической психологии, может одновременно испытывать волны индивидуальной и коллективной паники, вспышки интерпретаций причин возникновения вируса, всплески моральных противоречий и конкурирующих стратегий борьбы с инфекцией. Однако модель эпидемической психологии, позволяя выявлять закономерности в хаосе событий, имеет смысл с аналитической точки зрения.

Переходя к характеристике отдельных типов, автор отмечает, что эпидемия страха одновременно является эпидемией подозрительности. У человека есть страх заразиться и подозрение, что болезнь, вероятно, уже есть у другого человека, который может ее передать. По сути, это является необычайно мощной патологией социального взаимодействия. Никакой общественный порядок не может оставаться незабываемым, если нарушаются базовые представления о взаимодействии, если каждый член общества боится другого или подозревает, что другой боится его. В качестве источника опасности зачастую воспринимаются не только люди, но и вся окружающая среда – животные, неодушевленные предметы и т.д. При этом страх вполне может быть оторван от реальности, распространяясь даже в тех случаях, когда почти никто не инфицирован⁸. Заразные волны паники прокатываются как по отдельным людям, так и по политическому телу, нарушая привычную повседневную жизнь, подрывая веру в общепринятые авторитеты, питаясь от самих себя, чтобы вызвать еще более сильную панику и коллапс. Иррациональная паника может охватить и тех, кто номинально лучше всех информирован о болезни, в частности, врачей. С эпидемией страха и подозрительности тесно связана эпидемия стигматизации⁹, затрагивающая и тех, кто болен, и тех, кто принадлежит к группам, которые, как опасаются, являются основными носителями вируса. Стигматизация может начаться с избегания, сегрегации и жестокого обращения, а закончиться, по крайней мере потенциально, погромами. Личный страх, пишет Стронг, выливается в коллективную охоту на ведьм.

Эпидемии объяснений, морализаторства и действий могут быть ответом как на саму болезнь, так и эпидемию первого типа. Как отмечает автор, одна из поразительных особенностей первых дней эпидемий заключается в крайне неустойчивом интеллектуальном состоянии. Люди не в состоянии решить: вспышка заболевания – что-то тривиальное или, напротив, чрезвычайно серьезное. Это становится источником коллективной дезориентации. И если в конце концов будет решено, что это что-то очень серьезное,

---

⁸ Наглядный пример – *fearbola*. Так СМИ назвали страх заразиться лихорадкой Эбола, зафиксированный в США осенью 2014 г. во время ее распространения в Западной Африке. Хотя в стране было зарегистрировано лишь несколько случаев заболевания (у людей, имевших прямой длительный контакт с больными) и минимальное количество смертей, родители в некоторых штатах забрали детей из школ; штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Иллинойс ввели 21-дневный карантин для работников здравоохранения, которые лечили пациентов с Эболой в Западной Африке, а штат Коннектикут оставил за собой право отправлять на карантин любого, кто, как считается, подвергся воздействию вируса. Более подробно см.: (Lu 2015).

⁹ Стигма (др.-греч. *στίγμα* – клеймо, знак, пятно) – оценочная категория, фиксирующая разрыв между «должным» и «наличествующим» и определяющая отношение общества к нежелательному «другому», что может варьироваться от дистанцирования и игнорирования до дискриминации, насилия, изоляции. Стигматизация имеет разные основания. Если она происходит в связи с болезнью, то может быть интерпретирована как процесс, направленный на исключение из социальных структур тех, кто воспринимается как реальный/потенциальный источник заражения. Более подробно см.: (Арсентьева 2021).

у некоторых членов общества могут возникнуть дополнительные необычные психические состояния, что, по мнению Стронга, довольно схоже с обращением в религию. Люди внезапно обнаруживают, что их убеждения и жизнь изменились. Какая-то часть может принять решение стать миссионерами, пытаясь переубедить и обращать в свою веру других людей.

Другими словами, когда болезнь является новой и нет рутинных коллективных способов борьбы с ней, могут появиться тысячи новообращенных, имеющих собственный план действий, стратегию сдерживания болезни и контроля над ней. Эпидемия новообращенных, действий и стратегий сопровождается эпидемией объяснений и интерпретаций – выдвигаются сотни различных теорий о происхождении болезни и ее потенциальных последствиях. Многие из этих теорий, поднимая фундаментальные метафизические вопросы, глубоко моральны по своей природе. Вся эта интеллектуальная и моральная «шумиха», как определяет ее автор, усиливается огромным количеством мер контроля, предлагаемых для сдерживания распространения болезни. Многие из них противоречат общепринятым нормам и практике, нарушая в случае их реализации торговые и туристические связи, ущемляя право на свободу, личную неприкосновенность и т.д. Психосоциальные эпидемии являются плодотворной почвой не только для моральных дебатов, но и разного рода моральных предпринимателей¹⁰. Поэтому для любого, у кого есть миссия изменить мир, эпидемия – это новая возможность.

Резюмируя, Стронг пишет, что эпидемическая психология, порождаемая крупномасштабными инфекционными заболеваниями, потенциально способна привести к фундаментальному (хотя и кратковременному) краху устоявшегося социального порядка. Могут иметь место всевозможные разрушительные последствия: могут вызывать страх друзья, семья, соседи и, прежде всего, незнакомцы; больные могут остаться без присмотра; тех, кого считают носителями, могут избегать или преследовать; те, у кого нет болезни, могут тем не менее бояться, что она у них есть; непримиримые моральные противоречия могут охватить общество; новообращенные могут отказаться от прежнего образа жизни, чтобы проповедовать новое Евангелие спасения; правительства могут запаниковать. В общем, мир может, по крайней мере на короткий промежуток времени, перевернуться с ног на голову.

Автор признает, что эпидемическая психология редко принимает крайние из описанных им форм, но в самом начале эпидемии, когда многое неизвестно и непонятно, всегда существует подобная вероятность. Эта неотъемлемая возможность сама по себе является мощным фактором, опре-

---

¹⁰ Концепцию моральных предпринимателей (*moral entrepreneur*) выдвинул Г. Беккер (Becker 1966) для обозначения акторов, берущих на себя инициативу по поддержанию моральных устоев. Впоследствии С. Коэн (Cohen 1972) использовал идеи Беккера для разработки концепции моральной паники – распространения в обществе массовой истерии относительно чего-либо. Это происходит, когда моральные предприниматели (в частности, политики или ученые) выбирают определенную группу/человека, которых рассматривают как враждебного «других»/«другого», или «народных дьяволов» (*folk devils*), и используют СМИ, чтобы убедить общественность, что эта группа/человек виновата в бедах общества.

деляющим как кризис, так и последующее реагирование на болезнь. Поэтому эпидемии могут, по крайней мере теоретически, создать медицинскую версию гоббсовского кошмара – войну всех против всех.

Интерес представляет также описанная Стронгом динамика отношения людей к эпидемии по мере ее распространения. В качестве примера им используется эпидемия бубонной чумы, достигшая пика в Европе в середине XIV столетия¹¹. После того как европейцы впервые столкнулись с «черной смертью», крупные вспышки наблюдались примерно раз в двадцать лет, и люди разработали рутинные способы реагирования на болезнь, которая стала своего рода «нормой», была «институционализована». Вернее, пишет Стронг, сама чума имела ужасающие последствия, но «это было знакомое состояние, и его можно было приветствовать привычным образом: “Боже, это снова чума, нам придется закрыть город”, а не “Боже, что это, конец света?”» (Strong 1990: 252). Следовательно, делает вывод автор, с точки зрения эпидемической психологии новые заболевания потенциально намного опаснее, поскольку вызывают гораздо более экстремальные и разнообразные реакции, чем уже известные болезни.

Особое внимание уделяется истокам эпидемической психологии. Автор приводит распространенные объяснения. Одно из них заключается в контрасте между поверхностной рациональностью повседневной жизни и грубыми внутренними эмоциями. Если в обычное время большинство людей способны оставаться более или менее рациональными, то в кризисных ситуациях темные эмоции берут верх. Еще одно объяснение заключается в разделении между немногими здравомыслящими людьми и невежественным большинством, которое доводят до иступления циничные политики и журналисты. Однако Стронг предлагает свою версию, в основе которой лежит фундаментальная роль языка в построении человеческого общества: именно язык делает индивидуальное и коллективное бытие людей радикально отличающимся от любой другой части мироздания. Уникальная способность человека к языку порождает возможность оценки, и каждый аспект его жизни пронизан суждениями. На этом во многом основывается социальный потенциал эпидемической психологии: «Владение... языком означает, что страх перед... болезнью может быстро, даже мгновенно передаваться... миллионам людей и из одного общества в другое» (Strong 1990: 258). Язык, пишет Стронг, передает страх, что инфекция представляет экзистенциальную угрозу и что все мы умрем; язык изображает эпидемию как приговор человеческим недостаткам и как моральное наказание стигматизируемых; язык формирует стратегии (какими бы бессмысленными они ни были) борьбы с ней, причем это касается не только области науки и техники, но также религии и магии.

Автор приходит к выводу, что истоки эпидемической психологии кроются не столько в неуправляемых страстях человека, сколько в угрозе заболевания повседневным представлениям, в потенциальной уязвимости социальной структуры и взаимодействий людей, в огромном разнообразии

---

¹¹ Одна из самых смертоносных пандемий в истории человечества, унесшая, по разным оценкам, жизни от 75 до 200 млн человек.

и развитости человеческого мышления, морали и технологий, то есть в том, что основано скорее на языке, чем на генах. Следовательно, эпидемическая психология может быть преодолена только тогда, когда новые привычки и предположения, связанные с эпидемией, прочно укоренятся, что требует как коллективных, так и индивидуальных действий. При этом необходимо учитывать, что при борьбе с угрозой, которую представляет эпидемическая психология социальному порядку, разные общества имеют в своем распоряжении очень разные наборы предпочтений и средств.

Модель эпидемической психологии была разработана Ф. Стронгом на рубеже 1980–1990-х гг., когда активно обсуждалось распространение СПИД/ВИЧ по всему миру¹². Однако в ее основу были положены преимущественно исследования бубонной чумы, бушевавшей в Европе в XIV столетии. Мы же имеем возможность проверить релевантность идей британского ученого на совсем недавнем кейсе – пандемии COVID-19.

Распространение эпидемической психологии в эпоху COVID-19

Ученые задолго до появления вируса SARS-CoV-2 предупреждали о пандемии. Так, в 2003 г. в авторитетном научном журнале “Vaccine” была опубликована статья «Планирование пандемии гриппа» (Cox et al. 2003), где с опорой на три пандемии XX столетия – испанского гриппа 1918–1919 гг., азиатского гриппа 1957 г. и гонконгского гриппа 1968 г., и современное понимание биологии, экологии и эпидемиологии гриппа говорится о неизбежности новой пандемии, которая с высокой долей вероятности начнется в Китае. Тем не менее очевидно, что COVID-19 стал неожиданностью. В декларации, принятой в сентябре 2020 г. на 75-й сессии Генассамблеи ООН, отмечается, что пандемия застала врасплох и в течение нескольких недель проявила себя как крупнейшая глобальная проблема за всю историю ООН. Это привело не только к смертям и серьезным заболеваниям, но и к общемировому экономическому спаду, росту бедности, тревоги и страха¹³.

Вернемся к выводу Ф. Стронга о том, что корни эпидемической психологии кроются в угрозе заболевания повседневным представлениям. Анализ последних эпидемий показывает, что на состояние людей наиболее негативно влияют выпадение из привычного круга общения, ограничение или временное лишение свободы, отказ от привычных повседневных дел и т.д. (Акименко и др. 2020:47). В пандемию, нарушившую в 2020 г. всевозможные повседневные практики, самые простые рутинные действия – прием пищи, поход в магазин, визиты к родственникам и друзьям – приобретают новый смысл. Именно трансформация привычной среды в среду, представляющую на каждом шагу опасность, выступает определяющим фактором эпи-

---

¹² В 1987 г. ВОЗ утвердила название возбудителя болезни – вирус иммунодефицита человека (ВИЧ).

¹³ Declaration on the Commemoration of the Seventy-Fifth Anniversary of the United Nations // The United Nations. 28.09.2020. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F75%2F1&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 28.10.2023).

демической психологии COVID-19 в целом и пандемии страха в частности. Мы не будем подробно останавливаться на проблематике страха, поскольку опубликовано большое количество работ, в том числе с обзором литературы по данной тематике (см., напр.: Quadros et al. 2021).

Пандемию страха фиксировали и социологи. Так, по данным Института Гэллапа в июне 2020 г. страх заболеть испытывали 56% жителей США¹⁴. Согласно опросу, проведенному в конце марта 2020 г. в России, в пятерку главных страхов попали онкология – 83%, коронавирус – 63% ВИЧ/СПИД – 54%, сердечно-сосудистые заболевания – 50%, туберкулез – 39%. При этом только 11% опрошенных считали коронавирус обычным заболеванием и 19% природным явлением. Чаще всего его оценивали как угрозу, которая бросает вызов человечеству и с которой необходимо бороться (44%), биологическое оружие (39%), спланированный шаг политических и экономических элит отдельных стран (32%)¹⁵. По данным ВЦИОМ, в июне и декабре 2020 г. страх заболеть достигал 71% среди опрошенных¹⁶.

Как уже отмечалось, эпидемия страха всегда сопровождается паникой, которая из индивидуальной формы стремительно перерастает в массовую¹⁷. Например, в Индонезии некоторые общины отказывались хоронить умерших от ковида на своей территории, несмотря на заверения правительства, что это безопасно¹⁸. Одно из наиболее «безобидных» проявлений – волны панических покупок по всему миру, когда покупатели сметали с полок магазинов продукты и товары длительного хранения. Это явление достигло таких масштабов, что, например, Британский консорциум розничной торговли был вынужден опубликовать в марте 2020 г. призыв не покупать больше, чем действительно нужно¹⁹. Психологи объясняют это тем, что в обстановке страха человеку необходимо хоть что-то делать, но не всегда точно известно и понятно, что именно.

¹⁴ Saad L. Assessment of U.S. COVID-19 Situation Increasingly Bleak in U.S., More Fear COVID-19 Illness than Financial Harm // Gallup. 16.04.2020. URL: <https://news.gallup.com/poll/308504/fear-covid-illness-financial-harm.aspx> (дата обращения: 28.10.2023).

¹⁵ Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Интернет-издание «Нож». 01.04.2020. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 28.10.2023).

¹⁶ Коронавирус полтора года спустя: страх возвращается? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 14.09.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-poltora-goda-spustja-strakh-vozvrashchaetsja> (дата обращения: 28.10.2023).

¹⁷ Этот механизм описан в теории социального заражения. См.: (Levy, Nail 1993; Marsden 1998).

¹⁸ Fearing Infection, Some in Indonesia Refuse Nearby Burial of COVID-19 Victims // National Public Radio. 01.05.2020. URL: <https://www.npr.org/sections/coronavirus-live-updates/2020/05/01/848956806/fearing-infection-some-in-indonesia-refuse-nearby-burial-of-covid-19-victims> (дата обращения: 28.10.2023).

¹⁹ Dearden L. Coronavirus: Supermarkets Appeal for Public to Stop Panic Buying as Shelves Emptied Across UK // The Independent. 15.03.2020. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-update-stockpiling-supermarkets-asda-tesco-sainsburys-uk-a9402716.html> (дата обращения: 28.10.2023).

Запасы товаров стали самым доступным способом подготовки к возможной опасности и, соответственно, снижения уровня тревожности.

Британская газета “The Times”, ссылаясь на мнение профессора С. Тейлора, даже опубликовала статью насчет ажиотажа вокруг туалетной бумаги²⁰. По мнению ученого, по мере роста страха растет отвращение, поэтому огромный спрос на туалетную бумагу имеет в какой-то степени символический смысл – так проявляется стремление избегать «отвратительных вещей», в частности грязи и микробов. К тому же необходимо учитывать фактор социальных сетей. Вирусные фото и видео с людьми, сражающимися за туалетную бумагу, породили новую волну лихорадочного страха дефицита и, как следствие, реальную нехватку товаров. Попутно отметим, что Тейлор – автор книги «Психология пандемий. Подготовка к следующей глобальной вспышке инфекционных заболеваний» (Taylor 2019), опубликованной примерно за два месяца до начала эпидемии в китайском Ухане. В работе обосновывается важность учета психологических факторов для понимания связанных с пандемией социальных проблем (чрезмерный страх, стигматизация, ксенофобия и т.д.) и управления ими.

Также паника проявлялась в отказе от приобретения китайских товаров. В этой связи Роспотребнадзор, например, даже сделал заявление об отсутствии риска заразиться через прибывающие из Китая посылки²¹. Специалисты в области эволюционной психологии объясняют это тем, что человечество веками вырабатывало рефлексы на инфекционные заболевания, что привело к формированию бессознательных психологических реакций, так называемой поведенческой иммунной системы (Schaller et al. 2015) как первой линии защиты, уменьшающей контакты с потенциальными патогенами.

Что касается эпидемий объяснений, морализаторства и стигматизации, то, как давно известно, масштабные заболевания создают платформу для «моральных крестовых походов». Американский исследователь Дж. Джонс пишет, что «одним из... аспектов реагирования на эпидемии является желание возложить ответственность» (Jones 2020: 1682). Преподаватель Кембриджского университета Т. Аптер также отмечает, что определенные люди и группы могут стать «козлами отпущения». Такое отношение формулируется мыслью: «Вы и ваши привычки вызвали болезнь и принесли ее сюда, чтобы уничтожить нас. Теперь мы должны наказать, изгнать или даже уничтожить вас»²². Итог – масштабная стигматизация во время пандемии

---

²⁰ Ellson A. Coronavirus: Pandemic Psychologist Explains Lavatory Roll Panic // The Times. 27.03.2020. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/coronavirus-pandemic-psychologist-explains-lavatory-roll-panic-tjddffqbd?region=global> (дата обращения: 28.10.2023).

²¹ Фадеичев С. В Роспотребнадзоре заявили, что риска заразиться коронавирусом через посылки из Китая нет // ТАСС. 27.01.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7613295> (дата обращения: 28.10.2023).

²² Apter T. Epidemic Psychology. The COVID-19 Pandemic Defies Familiar Models of the Psychology of Epidemics // Psychology Today. 13.03.2020. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/domestic-intelligence/202003/epidemic-psychology> (дата обращения: 28.10.2023).

COVID-19, жертвами которой становились заболевшие, их ближайшее окружение и те, кто в силу профессии постоянно контактирует с зараженными. Индийская медицинская ассоциация даже провела акции протеста в связи с резким ростом насилия и дискриминации в отношении медработников²³.

Мишенями стигматизации часто становились китайцы и азиаты в целом, поскольку эпидемия началась с китайского города Ухань, административного центра провинции Хубэй. Подборка таких случаев была опубликована, например, на сайте журнала "Time"²⁴. В этом также нет ничего нового: стигмы зачастую определяют представителей другой расы ответственными за распространение болезней; эпидемия и ксенофобия – «сиамские близнецы». ВОЗ в этой связи даже выпустила «руководство по предотвращению и устранению социальной стигматизации»²⁵, где подчеркивается недопустимость ассоциации заболевания с этническим происхождением. Также документ напоминает о значимости слов, рекомендуя использовать *people-first language* (язык «люди превыше всего») и избегать нагнетающих страх гипербол – «чума», «апокалипсис» и т.д. Однако будет излишним напомнить, что и в китаезычном мире стигматизация была не менее сильной, ее жертвами становились жители Уханя и провинции Хубэй (стигматизация со стороны населения других китайских регионов); представители материкового Китая (стигматизация со стороны жителей Гонконга, Макао, Тайваня и зарубежных китайских общин); иностранцы, приезжающие в КНР (стигматизация со стороны китайцев) и др. (Xu et al. 2021).

Эпидемия действий, реальных и тем более предлагаемых, была еще более масштабной. Проводились акции ковид-диссидентов и антиваксеров²⁶, а также тех, кто требовал более жестких мер. Проблема, отмечает израильский ученый Ю.Н. Харари, заключается в том, что чрезвычайные ситуации, к которым относится и пандемия, ускоряют исторические процессы. Решения принимаются практически в режиме реального времени, без учета последствий, а их влияние будет сказываться долгие годы. «Незрелые и даже опасные технологии вводятся в эксплуатацию, потому что риск ничего не делать еще больше», «целые страны становятся подопытными свинками в крупномасштабных социальных экспериментах»²⁷. Поэтому эпидемия действий зачастую существенно увеличивает страх и другие типы психосоциальных эпидемий.

²³ Call for White Alert on Wednesday, April 22, 2020 // Indian Medical Association. 20.04.2020. URL: <https://www.ima-india.org/ima/pages.php?id=45> (дата обращения: 28.10.2023).

²⁴ Haynes S. As Coronavirus Spreads, So Does Xenophobia and Anti-Asian Racism // Time. 06.03.2020. URL: <https://time.com/5797836/coronavirus-racism-stereotypes-attacks/> (дата обращения: 28.10.2023).

²⁵ Social Stigma Associated with COVID-19 // World Health Organization. URL: www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guide.pdf?sfvrsn=226180f4_2 (дата обращения: 28.10.2023).

²⁶ О антивакцинаторстве и ковид-диссидентстве в России см.: (Фишман 2022).

²⁷ Harari Y.N. The World after Coronavirus // Financial Times. 20.03.2020. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75?segmentID=d000ce45-8c25-aa67-8d82-a8ab39602280&campaign=march20> (дата обращения: 28.10.2023).

Таким образом, в пандемии COVID-19 достаточно легко вычленил психосоциальные типы, о которых писал Ф. Стронг. В то же время необходимо учитывать, что COVID-19 – первая пандемия в эпоху социальных медиа²⁸ (Cinelli et al. 2020; Aiello et al. 2021), и поскольку психосоциальные эпидемии передаются, согласно Стронгу, посредством языковой коммуникации, оказалось, что «мы боремся не просто с эпидемией, мы боремся с инфодемией»²⁹. В данном случае термином «информационная эпидемия» обозначают быстрое, даже моментальное распространение в информационном пространстве точных и неточных данных о пандемии. В этом потоке преобладают дезинформация, слухи, конспирологические теории, своего рода медиавирусы, которые, дезориентируя и фрагментируя общество, могут ускорить темпы пандемии.

Сильви Бриан, директор департамента ВОЗ по обеспечению готовности к пандемиям и эпидемиям и их профилактике, заявила: «Мы знаем, что каждая вспышка будет сопровождаться своего рода информационным цунами, но в этой информации всегда есть дезинформация, слухи и т.д. ...Даже в Средние века существовало это явление», но сегодня посредством социальных сетей оно многократно усиливается, распространяется быстрее и дальше, подобно вирусам, которые передаются от человека к человеку (цит. по: Zarogostas 2020). Потоки медиавирусов, актуализируя мышление угрозы, негативно влияют и на поведение людей, и на эффективность антиковидных мер. Заразительные волны паники прокатываются не только по телам людей, но и по политическому телу, что требует отдельного рассмотрения.

Проявления эпидемической психологии в сфере политики

Российские исследователи В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман полагают, что при прогнозировании последствий пандемии следует исходить из реакции на них общества и государства, а она в большинстве случаев оказалась несоизмеримо чувствительной и неадекватной в сравнении с возможными социальными последствиями, а также подверженной прямому влиянию массовой истерии, слухов, хайпа, соцсетей и СМИ (Мартьянов, Фишман 2020: 12). В данном разделе мы выделим некоторые проявления эпидемической психологии в сфере политики, не претендуя, естественно, на полноту охвата и окончательность выводов.

Ученые давно доказали, что чувство страха легко передается от человека к человеку. В условиях чрезвычайной ситуации заражение страхом

---

²⁸ Социальные медиа в максимально общем виде определяют как интернет-ресурсы, обеспечивающие возможность обмена информацией различного формата и формирующие у целевой аудитории интерес к конкретному контенту и веб-платформе, на которой он размещен. Наиболее распространенная разновидность таких медиа – социальные сети.

²⁹ UN Tackles 'Infodemic' of Misinformation and Cybercrime in COVID-19 Crisis // United Nations. 31.03.2020. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-'infodemic'-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (дата обращения: 28.10.2023).

невозможно предотвратить, однако вполне реально снизить уровень панических настроений. Так, например, исследования психологов показывают, что у людей в присутствии спокойного, уверенного в себе человека существенно уменьшается паника. В социуме роль такой авторитетной фигуры призваны играть власти (Акименко и др. 2020: 50). Если мы обратимся к конкретным примерам, то заметим, что реакция лидеров стран на пандемию была в большинстве случаев схожей. Как и другие люди, они оказались не готовы к столь стремительному развитию ситуации по негативному сценарию. Выбранные ими стратегии борьбы с вирусом сводились преимущественно к закрытию границ, ограничению контактов и вакцинации. Например, А. Меркель в новогоднем послании назвала 2020 г. самым трудным за свое 15-летнее нахождение на посту канцлера ФРГ, а надежды в наступающем году связала с вакцинацией. Также она заявила о цинизме и жестокости людей, отрицающих коронавирус и необходимость мер борьбы с ним³⁰.

Здесь как контраргумент можно привести мнение итальянского философа Дж. Агамбена о том, что карантинные мероприятия сводят жизнь человека к биологическому существованию, обесценивая социальные связи, эмоциональные привязанности, политические и религиозные убеждения. В итоге формируется государство не людей, а машин. Общество, живущее в постоянном чрезвычайном положении, не может быть свободным³¹.

Так называемые ковид-диссиденты были и среди лидеров стран. Так, Ж. Болсонару, будучи президентом Бразилии (несмотря на то, что его страна была в числе лидеров по числу заболевших и резко возросшую смертность), скептически относился к коронавирусу, называя его «небольшим гриппом», отказывался носить маску в общественных местах, критиковал антиковидные меры, которые вводили отдельные штаты. В настоящее время бразильский экс-президент и его помощники подозреваются в фальсификации данных для получения ковид-паспортов. Обвинения в ковид-диссидентстве звучали и в адрес белорусского президента А.Г. Лукашенко, который неоднократно называл ситуацию вокруг коронавируса психозом. В ответ он заявил, что выступает не против вакцинации и ношения масок, а против насилия в данных вопросах³². Еще один пример – президент Танзании Дж. Магуфули, который отказывался вводить в стране локдаун и отрицал научные способы

---

³⁰ Nasr J. Pandemic made my last year in office the hardest, says emotional Merkel // Reuters. 31.12.2020. URL: <https://www.reuters.com/world/pandemic-made-my-last-year-office-hardest-says-emotional-merkel-2020-12-30/> (дата обращения: 28.10.2023).

³¹ Giorgio Agamben on Coronavirus: “The enemy is not outside, it is within us” // Stanford University. 17.03.2020. URL: <http://bookhaven.stanford.edu/2020/03/giorgio-agamben-on-coronavirus-the-enemy-is-not-outside-it-is-within-us/> (дата обращения: 28.10.2023).

³² Допрос с пристрастием и ответ на обвинения в ковид-диссидентстве. Главное из заявлений Лукашенко в Лиде // Белорусское телеграфное агентство. 26.10.2021. URL: <https://www.belta.by/president/view/dopros-s-pristrastiem-i-otvet-na-obvinieniya-v-kovid-dissidentstve-glavnoe-iz-zajavlenij-lukashenko-v-466467-2021/> (дата обращения: 28.10.2023).

борьбы с пандемией, заявляя, что «коронавирус – это дьявол», для победы над которым нужно молиться³³.

Пожалуй, наиболее интересным кейсом для анализа выступает Д. Трамп, последний год нахождения которого на посту президента США пришелся на начало пандемии. Дело в том, что некоторые исследователи прямо называют его моральным предпринимателем³⁴, сеющим моральную панику посредством социальных сетей, в частности, твитов, которые он использовал как политический инструмент для распространения тревоги, страха и т.д. Канадский ученый Ш. Хиер пишет, что Трамп сделал много заявлений (по вопросам иммиграции, торговли, здравоохранения, НАТО и т.д.), которые вызвали моральную панику (Hier 2019: 880). Еще более категоричен в своих оценках американский профессор Д. Бразертон. По его мнению, с самого начала своей президентской кампании Трамп выбрал стратегию моральной паники. В качестве современных «народных дьяволов» им были выбраны «мексиканские насильники-иммигранты, чернокожие городские гангстеры, латиноамериканские наркоторговцы, мусульманские террористы», от которых спасти страну может только «Дональд праведный». Безусловно, Трамп не был первым, кто использовал проверенных расистских «других» для достижения желаемого уровня страха и ненависти среди своих сторонников, но никто, кроме него, так нагло, целеустремленно и успешно ни использовал стратегию моральной паники для амбициозного продвижения на государственную должность³⁵. Распространенность подобных оценок Трампа доказывает и современная культура, вплоть до фильмов ужасов (Павлов 2023) и музыки³⁶.

Как уже отмечалось, одна из наиболее типичных реакций на эпидемии – стремление найти виновного. Во время пандемии Трамп в качестве враждебного «другого» выбрал Китай. Он и представители его администрации неоднократно обвиняли Пекин в дезинформационной кампании и недостаточно активных действиях в начале эпидемии, что позволило вирусу распространиться на весь мир. В конце марта 2020 г. США в своем проекте заявления по итогам встречи министров иностранных дел G7 назвали Китай виновным в распространении «уханьского вируса»³⁷. В апреле американский

³³ В марте 2021 г. Магуфули умер. По официальной версии, из-за проблем с сердцем, по неофициальной – причиной стал коронавирус. См.: Умер президент Танзании Джон Магуфули // ТАСС. 18.03.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10930967> (дата обращения: 28.10.2023).

³⁴ Напомним, что об активизации разного рода моральных предпринимателей во время эпидемий писал Ф. Стронг, опираясь на разработки Г. Беккера и С. Козна.

³⁵ Brotherton D. Trump, Moral Panics and Resistance // CounterPunch. 23.02.2017. URL: <https://www.counterpunch.org/2017/02/23/trump-moral-panics-and-resistance/> (дата обращения: 28.10.2023).

³⁶ Например, песня “Make America Hate Again” австралийской дэткор-группы “Thy Art Is Murder”.

³⁷ Проект вызвал разногласия и в итоге был отклонен. Более подробно см.: Marquardt A., Hansler J. US Push to Include ‘Wuhan Virus’ Language in G7 Joint Statement Fractures Alliance // CNN. 26.03.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/25/politics/g7-coronavirus-statement/index.html> (дата обращения: 28.10.2023).

президент жестко раскритиковал ВОЗ за медлительность, потакание интересам Пекина и заявил о приостановке финансирования организации. Также Трамп неоднократно обвинял КНР в социальных медиа. Например, в конце мая он разместил твит (с использованием резких оценочных слов) о том, что именно некомпетентность Китая привела к массовой гибели людей по всему миру. Спустя несколько дней появился твит следующего содержания: «По всему миру шагает коронавирус, очень неприятный “подарок” из Китая. Нехорошо!». В сентябре Трамп обратился к Генассамблее ООН с требованием привлечь КНР к ответственности за «развязывание этой чумы в мире»³⁸.

На наш взгляд, подобные действия и заявления относительно пандемии вряд ли можно назвать «моральным предпринимательством». Они являются отражением общей внешнеполитической линии администрации Трампа, при котором, как отмечает российский политолог А.В. Торкунов, публичные выступления американских политиков начали носить грубый характер с явным намерением обвинить Китай во всех смертных грехах (Торкунов 2019: 32-33). При этом сам Трамп демонстративно не носил маску, называл коронавирус гораздо менее смертельным, чем грипп, призывал не бояться его и не позволять ему доминировать в жизни людей³⁹. Эти призывы явно противоречат выводам израильских ученых о том, что в 2020 г. по всему миру наблюдался резкий рост размышлений о смерти и смертности, вызванный не только самой пандемией, но и тем, что моральные предприниматели поощряют, используют и злоупотребляют экзистенциальной тревогой в глобальных масштабах (Abulof et al. 2021).

Имеются исследования (Kakisina et al. 2022) о том, что и Трамп, и Болсонару использовали в своих политических выступлениях на тему коронавируса ряд манипулятивных стратегий, в том числе идеологической поляризации, дискредитации других, эмоционализации аргументов, подчеркивания силы, морального превосходства и т.д. На наш взгляд, подобные политические меседжи усиливали проявления эпидемической психологии, однако так поступали и другие политики. Например, в январе 2022 г. французский президент Э. Макрон заявил о необходимости ограничить доступ к участию в общественной жизни непривитым людям и своем желании «смешать с нечистотами» французов, которые не стали вакцинироваться: «Когда моя свобода угрожает свободе других, я становлюсь безответственным. А безответственный человек больше не является гражданином»⁴⁰. Это резкое

---

³⁸ Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly Transcript // Rev.com. 22.09.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript> (дата обращения: 28.10.2023).

³⁹ Lerman R. Facebook Removes Trump Post Calling the Coronavirus ‘Less Lethal’ than the Flu // The Washington Post. 06.10.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/10/06/trump-flu-post-twitter/> (дата обращения: 28.10.2023).

⁴⁰ Макрон заявил, что непривитые не должны считаться гражданами Франции // РЕН ТВ. 05.01.2022. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/923048-makron-zaiavil-chto-neprivitye-ne-dolzny-schitat-grazhdanami-frantsii>; Попова А. Слова Макрона в адрес непривитых взорвали Францию // Вести.ру. 07.01.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2661195> (дата обращения: 28.10.2023).

заявление раскололо французский истеблишмент и общество в целом, но Макрон заявил, что не откажется от своих слов.

Итак, мы видим, что и ярые сторонники антиковидных мер, и ковид-скептики использовали проблему в своих интересах, что усиливало недоверие населения к политическим и социальным институтам. Росту сомнений способствовали кардинальные изменения повседневной жизни, которые у многих людей разрушили веру в стабильность и прогнозируемость мира. Одним из следствий стало резкое снижение значимости института научной экспертизы, или кризис экспертного знания⁴¹. Как отмечают исследователи, пандемия поставила перед органами власти качественно новые задачи, связанные не только с организацией карантина, прививочной кампании, лечебных мероприятий, но и с символическим управлением страхом смерти. Эксперты не справились с задачей рациональной легитимации решений властей, их аргументы в глазах массовой аудитории не смогли выдержать контрнаучной критики (Дьякова, Трахтенберг 2022: 85, 94).

Наблюдался резкий скачок числа теорий заговора. Среди наиболее популярных – лабораторное происхождение коронавируса; вирус как биологическое оружие для регулирования численности населения; чипирование людей через вакцины; обусловленность повышенной восприимчивости людей к вирусу внедрением 5G-сетей и т.д. Эти конспирологические теории, обросшие бесчисленными вариациями, распространяют не только социальные сети и СМИ, но и политический истеблишмент, хотя очевидно, что они снижают эффективность антиковидных мер. Возьмем в качестве примера Африку. Как пишет А.О. Ойекан, профессор Университета Нельсона Манделы (ЮАР), в Нигерии теории заговора распространяли известные политики и священнослужители. Так, пастор Крис Ояхиломе, глава *Christ Embassy Church*, весной 2020 г. утверждал, что карантин в Абудже и Лагосе нужен правительству для развертывания 5G-сетей и предотвращения протестов населения по этому поводу. Другой ведущий священнослужитель Нигерии Давид Ойедепо заявил, что карантин (который распространялся и на церкви) – атака сил тьмы через «антицерковный вирус». Активно циркулировали слухи, что медицинские товары из Китая заражены. Нигерийская медицинская ассоциация наряду с другими профессиональными и гражданскими организациями отклонила приглашение правительством Нигерии китайской медицинской бригады, мотивируя это тем, что якобы в Италии всплеск заболеваемости и смертей от COVID-19 совпал по времени с приездом туда китайских медиков. Схожая ситуация наблюдалась в ЮАР. Так, профсоюз молодых медсестер *Indaba* дал указание своим членам отказаться от вакцинации, а главный судья страны Могоенг Могоенг публично назвал вакцины «дьявольскими» (Оуекан 2021: 47-48).

Пандемия COVID-19 в очередной раз продемонстрировала, что во времена кризисов и чрезвычайных ситуаций теории заговора становятся одним из наиболее легких и доступных способов объяснить происходящее. При этом реакция политического тела на пандемию в целом соответствует паттернам

⁴¹ Более подробно см.: (Мартьянов и др., 2022).

и закономерностям эпидемической психологии, выделенным Ф. Стронгом. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного, особенно с учетом фактора неожиданности; с другой – именно в этом заключается одна из ключевых проблем, поскольку, как справедливо заметил уже цитируемый нами профессор Оксфордского университета Т. Хейл, вирус атакует человеческое тело, но именно политическое тело в значительной степени нас от него защищает.

Заключение

Проанализированная в настоящем исследовании модель эпидемической психологии Ф. Стронга описывает паттерны поведения людей, лежащие в основе различных типов психосоциальных эпидемий, которые развиваются параллельно с самим заболеванием. На наш взгляд, выявленные британским ученым закономерности позволяют лучше понять индивидуальную и коллективную реакцию людей на вспышки новых заболеваний, в том числе COVID-19. Конечно, модель, разработанная на рубеже 1980–1990-х гг., не может полностью отразить современную ситуацию, но ее ключевые положения остаются релевантными при условии учета того факта, что сегодня существенная часть языковой коммуникации, посредством которой распространяются психосоциальные эпидемии, переместилась в интернет-пространство, в частности, в социальные медиа. Следует принимать во внимание и то, что распространение психосоциальных эпидемий коррелирует с заболеванием, поэтому зачастую носит не линейный, а циклический характер (что доказывают и опросы общественного мнения⁴²). Вирус, вызвавший пандемию COVID-19, никуда не исчез, а значит, вполне вероятны связанные с ним новые волны эпидемий страха, объяснений, морализаторства и действий, хотя и не столь сильные, как на начальных этапах.

В завершение выделим некоторые перспективные направления исследований. Поскольку психосоциальные эпидемии создаются и распространяются посредством языка, следует обратить более пристальное внимание на язык социальных медиа и традиционных СМИ на разных этапах пандемии COVID-19. Особую важность имеет выявление и использование их потенциала для прерывания «циклов паники и бездействия». Важен учет влияния эпидемической психологии на сферу политики, где под воздействием пандемии обострились ранее существовавшие проблемы и противоречия как на национальном, так и глобальном уровне. Следовательно, необходимы исследования различных типов психосоциальных эпидемий не только в традиционных рамках психологии и социологии, но и политологии, где данный вопрос в настоящее время – своего рода *terra incognita*. Это позволит по-новому взглянуть на возможность борьбы с подобными чрезвычайными ситуациями в дальнейшем, что особенно актуально в контексте прогнозируемого вступления человечества в «эпоху пандемий».

---

⁴² Коронавирус полтора года спустя: страх возвращается? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 14.09.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-poltora-goda-spustja-strakh-vozvrashchaetsja> (дата обращения: 28.10.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акименко Г.В., Кирина Ю.Ю., Начева Л.В., Селедцов А.М. 2020. Психология эпидемии: как пандемия (Covid-19) влияет на психику людей // Вестник общественных и гуманитарных наук. Т. 1, № 4. С. 45-54.
- Арсентьева И.И. 2021. Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19 // Вестник МГИМО-Университета. Т. 14, № 2. С. 22-46. DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46
- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. 2022. Кризис внешней управленческой экспертизы в условиях пандемии COVID-19 // Дискурс-Пи. Т. 19, № 4. С. 82-103. DOI 10.17506/18179568_2022_19_4_82
- Мартыанов В.С., Руденко В.Н., Фишман Л.Г. 2022. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов // Journal of Institutional Studies. Т. 14, № 2. С. 47-58. DOI 10.17835/2076-6297.2022.14.2.047-058
- Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. 2020. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? // Свободная мысль. № 3. С. 9-28.
- Павлов А.В. 2023. От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 77-96. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_77
- Пономарев Н.Ф. 2022. Эпидемическая психология и пандемический нарратив // E-Scio. № 1. URL: <https://e-scio.ru/?p=16122> (дата обращения: 28.10.2023).
- Торкунов А.В. 2019. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 6. С. 25-37. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37
- Фишман Л.Г. 2022. Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда? // Антиномии. Т. 22, № 2. С. 62-72. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62
- Abulof U., Le Penne S., Pu B. 2021. The Pandemic Politics of Existential Anxiety: Between Steadfast Resistance and Flexible Resilience // International Political Science Review. Vol. 42, iss. 3. P. 350-366. DOI 10.1177/01925121211002098
- Aiello L.M., Quercia D., Zhou K. et al. 2021. How Epidemic Psychology Works on Twitter: Evolution of Responses to the COVID-19 Pandemic in the U.S. // Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 8, iss. 1. P. 1-15. DOI 10.1057/s41599-021-00861-3
- Becker H.S. 1963. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York : Free Press Glencoe. 179 p.
- Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A. et al. 2020. The COVID-19 Social Media Infodemic // Scientific Reports. Vol. 10, iss. 1. P. 1-10. DOI 10.1038/s41598-020-73510-5
- Cohen S. 1972. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. London ; New York : MacGibbon & Kee. 224 p.
- Cox N.J., Tamblin S.E., Tam T. 2003. Influenza Pandemic Planning // Vaccine. Vol. 21, iss. 16. P. 1801-1803. DOI 10.1016/s0264-410x(03)00076-8/
- Hier S.P. 2019. Moral Panic and the New Neoliberal Compromise // Current Sociology. Vol. 67, iss. 6. P. 879-897. DOI 10.1177/0011392119829511
- Kakisina, P.A., Indhiarti T.R., Al Fajri M.S. 2022. Discursive Strategies of Manipulation in COVID-19 Political Discourse: The Case of Donald Trump and Jair Bolsonaro // SAGE Open. Vol. 12, iss. 1. DOI 10.1177/21582440221079884
- Levy D.A., Nail P.R. 1993. Contagion: A Theoretical and Empirical Review and Reconceptualization // Genetic Social and General Psychology Monographs. Vol. 119, iss. 2. P. 233-284.
- Lu S. 2015. An Epidemic of Fear // Monitor on Psychology. Vol. 46, iss. 3. URL: <https://www.apa.org/monitor/2015/03/fear> (дата обращения: 28.10.2023).
- Luo H., Ren Y. 2022. Analysis of COVID-19 Collective Irrationalities Based on Epidemic Psychology // Frontiers in Psychology. Vol. 13. DOI 10.3389/fpsyg.2022.825452

Marsden P. 1998. Memetics and Social Contagion: Two Sides of the Same Coin? // Journal of Memetics. Vol. 2, iss. 2. P. 171-185.

Morens D.M., Fauci A.S. 2020. Emerging Pandemic Diseases: How We Got to COVID-19 // Cell. Vol. 182, iss. 5. P. 1077-1092. DOI 10.1016/j.cell.2020.08.021

Oyekan A.O. 2021. Conspiracy Theories and Pandemic Management in Africa: Critical Reflections on Contexts, Contradictions and Challenges // Acta Academica. Vol. 53, iss. 2. P. 38-59. DOI 10.18820/24150479/aa53i2/3

Quadros S., Garg S., Ranjan R. et al. 2021. Fear of COVID 19 Infection Across Different Cohorts: A Scoping Review // Frontiers in Psychiatry. Vol. 12. DOI 10.3389/fpsyt.2021.708430

Schaller M., Murray D.R., Bangerter A. 2015. Implications of the Behavioral Immune System for Social Behavior and Human Health in the Modern World // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Vol. 370. P. 1-10. DOI 10.1098/rstb.2014.0105

Strong P. 1990. Epidemic Psychology: A Model // Sociology of Health and Illness. Vol. 12, iss. 3. P. 249-259.

Taylor S. 2019. The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease. Cambridge Scholars Publishing. 178 p.

Xu J., Sun G., Cao W. et al. 2021. Stigma, Discrimination, and Hate Crimes in Chinese-Speaking World amid COVID-19 Pandemic // Asian Journal of Criminology. Vol. 16, iss. 1. P. 51-74. DOI 10.1007/s11417-020-09339-8

Zarocostas J. 2020. How to Fight an Infodemic // Lancet. Vol. 395. DOI 10.1016/s0140-6736(20)30461-x

References

Abulof U., Le Penne S., Pu B. The Pandemic Politics of Existential Anxiety: Between Steadfast Resistance and Flexible Resilience, *International Political Science Review*, 2021, vol. 42, no. 3, pp. 350-366. DOI 10.1177/01925121211002098

Aiello L.M., Quercia D., Zhou K. et al. How Epidemic Psychology Works on Twitter: Evolution of Responses to the COVID-19 Pandemic in the U.S., *Humanities and Social Sciences Communications*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 1-15. DOI 10.1057/s41599-021-00861-3

Akimenko G.V., Kirina Yu.Yu., Natcheva L.V., Seledtsov A.M. Psychology of the Epidemic: How a Pandemic (Covid-19) Affects the Psyche of People, *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Social Sciences and Humanities], 2020, vol. 1, no. 4, pp. 45-54. (In Russ.).

Arsentyeva I.I. Political Discourse on China's Stigmatization in the Context of COVID-19 Pandemic, *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2021, vol. 14, no. 2, pp. 22-46. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46

Becker H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York, Free Press Glencoe, 1963, 179 p.

Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A. et al. The COVID-19 Social Media Infodemic, *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 1-10. DOI 10.1038/s41598-020-73510-5

Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*, London & New York, MacGibbon & Kee, 1972, 224 p.

Cox N.J., Tamblyn S.E., Tam T. Influenza Pandemic Planning, *Vaccine*, 2003, vol. 21, no. 16, pp. 1801-1803. DOI 10.1016/s0264-410x(03)00076-8/

Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. The Crisis of Policy Advice in the Context of the COVID-19 Pandemic, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2022, vol. 19, no. 4, pp. 82-103. (In Russ.). DOI 10.17506/18179568_2022_19_4_82

Fishman L.G. Anti-Vaccination Sentiments in Russia: Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth? *Antinomii* [Antinomies], 2022. T. 22, no. 2, pp. 62-72. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62

Hier S.P. Moral Panic and the New Neoliberal Compromise, *Current Sociology*, 2019, vol. 67, no. 6, pp. 879-897. DOI 10.1177/0011392119829511

Kakisina, P.A., Indhiarti T.R., Al Fajri M.S. Discursive Strategies of Manipulation in COVID-19 Political Discourse: The Case of Donald Trump and Jair Bolsonaro, *SAGE Open*, 2022,

vol. 12, no. 1. DOI 10.1177/21582440221079884

Levy D.A., Nail P.R. Contagion: A Theoretical and Empirical Review and Reconceptualization, *Genetic Social and General Psychology Monographs*, 1993, vol. 119, no. 2, pp. 233-284.

Lu S. An Epidemic of Fear, *Monitor on Psychology*, 2015, vol. 46, no. 3, available at: <https://www.apa.org/monitor/2015/03/fear> (accessed October 28, 2023).

Luo H., Ren Y. Analysis of COVID-19 Collective Irrationalities Based on Epidemic Psychology, *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13. DOI 10.3389/fpsyg.2022.825452

Marsden P. Memetics and Social Contagion: Two Sides of the Same Coin? *Journal of Memetics*, 1998, vol. 2, no. 2, pp. 171-185.

Martyanov V.S., Rudenko V.N., Fishman L.G. Coronavirus Pandemic and Expert Knowledge Crisis: Reload of Miracle, Mystery and Authority, *Journal of Institutional Studies*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 47-58. (In Russ.). DOI 10.17835/2076-6297.2022.14.2.047-058

Martyanov V.S., Fishman L.G. After the Coronavirus: From an Optimized Old to A New World? *Svobodnaya mysl'* [The Free Thought], 2020, no. 3, pp. 9-28. (In Russ.).

Morens D.M., Fauci A.S. Emerging Pandemic Diseases: How We Got to COVID-19, *Cell*, 2020, vol. 182, no. 5, pp. 1077-1092. DOI 10.1016/j.cell.2020.08.021

Pavlov A.V. From Social Allegory to Political Statement: Academic Reception of American Horror of the 21st Century, *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 77-96. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_77

Ponomarev N.F. Epidemic Psychology and the Pandemic Narrative, *E-Scio*, 2022, no. 1, available at: <https://e-scio.ru/?p=16122> (accessed October 28, 2023). (In Russ.).

Oyekan A.O. Conspiracy Theories and Pandemic Management in Africa: Critical Reflections on Contexts, Contradictions and Challenges, *Acta Academica*, 2021, vol. 53, no. 2, pp. 38-59. DOI 10.18820/24150479/aa53i2/3

Quadros S., Garg S., Ranjan R. et al. Fear of COVID 19 Infection Across Different Cohorts: A Scoping Review, *Frontiers in Psychiatry*, 2021, vol. 12. DOI 10.3389/fpsyg.2021.708430

Schaller M., Murray D.R., Bangerter A. Implications of the Behavioral Immune System for Social Behavior and Human Health in the Modern World, *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 2015, vol. 370, pp. 1-10. DOI 10.1098/rstb.2014.0105

Strong P. Epidemic Psychology: A Model, *Sociology of Health and Illness*, 1990, vol. 12, no. 3, pp. 249-259.

Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*, Cambridge Scholars Publishing, 2019, 178 p.

Torkunov A.V. Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific, *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 6, pp. 25-37. (In Russ.). DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37

Xu J., Sun G., Cao W. et al. Stigma, Discrimination, and Hate Crimes in Chinese-Speaking World amid COVID-19 Pandemic, *Asian Journal of Criminology*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 51-74. DOI 10.1007/s11417-020-09339-8

Zarocostas J. How to Fight an Infodemic, *Lancet*, 2020, vol. 395. DOI 10.1016/s0140-6736(20)30461-x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Ильинична Арсентьева

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0003-4145-8790;

ResearcherID: D-9052-2013;

Scopus AuthorID: 57222121519;

SPIN-код: 1471-4184;

E-mail: airen1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Arsenyeva

Doctor of Political Science, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0003-4145-8790;

ResearcherID: D-9052-2013;

Scopus AuthorID: 57222121519;

SPIN-code: 1471-4184;

E-mail: airen1@yandex.ru